

фрагменты прошлого: миф о чемодане с бриллиантами

Талант, игрок, расчетливый безумец

Татьяна ГЛИНКА

ЕГО НАЗЫВАЛИ «русский Кин, гордость России». В любой монографии, посвященной Мамонту Дальскому, можно прочитать такие слова. Да, он был большим трагическим актером. Шиллер, Шекспир... В пьесах этих драматургов равного Мамонту Дальскому не было на русской театральной сцене в конце прошлого — начале этого века. А его гибель в 1918 году под колесами московского трамвая еще более окутала образ актера трагическим флером. В то время вокруг его смерти создавалось и ходило множество легенд. Одну из них воспроизвел как реальность А. Толстой на страницах своей трилогии «Хождение по мукам». Вот так писатель представляет нам Дальского: «Это был человек дикого темперамента, красавец, игрок, расчетливый безумец, опасный, величественный и хитрый». Что красавец, это точно. Такой он на фотографиях. А что до остального... Доверять А. Толстому не очень-то приходится. Читатель, верно, помнит, как Даша Булавина, героиня романа, бежала за переполненным трамваем, на подножке которого висел Дальский. Он оглянулся на нее и сорвался, а у ног героини романа оказался чемоданчик крокодиловой кожи, набитый бриллиантами и другими драгоценностями, который держал в руке Мамонт Дальский. Драгоценности, как говорит Даша, были украдены Дальским для нее. Это и есть та самая легенда, которую сейчас мы бы назвали «непроверенными слухами», сопроводившими гордость русской сцены в его последний путь. Наверное, для писателя вводить образ реального и знаменитого человека в вымышленный сюжет — самое рискованное дело, тем более излишне доверившись слухам. Впрочем, скажет читатель, важна ли сейчас, спустя более семидесяти лет, истина? Для кого как. Вот Ирине Александровне Барановской важна, потому что она внучка великого русского актера и не раз слышала от Ирины Федоровны, дочери Федора Ивановича Шаляпина, как в действительности погиб ее дед.

...Он неожиданно приехал из Петрограда в Москву и сразу же с вокзала отправился в дом Шаляпина. Рассказал Ирине Федоровне и жене Шаляпина — Иоле Игнатьевне, что накануне ночью видел жуткий сон, возбудивший в нем ничем не снимаемую тревогу. Решил ехать в Москву, к Федору Ивановичу не медля, хотя зачем и почему, не понимал сам. Однако по иронии судьбы Федор Иванович тоже, словно чувствуя неладное, накануне выехал в Петроград к своему другу и учителю, пестовавшему его драматический талант. Их поездка встретилась где-то посреди пути между Москвой и Петроградом. Ирина Федоровна рассказывала не раз внучке Дальского, которая долго жила вместе с ней, что в тот далекий летний день 18-го года он был взволнован, читал стихи. И вдруг сорвался, крикнув, что ему срочно нужно посетить своего врача. Приехал он без вещей и, конечно же, без «крокодилового чемоданчика». Через час после его ухода раздался звонок из морга. Ирину Федоровну просили приехать опознать труп, что она и сделала.

Когда тело Мамонта Дальского после отпевания в церкви везли в Петроград, чтобы предать земле в Александро-Невской лавре, рядом с могилой великой Комиссаржевской, Шаляпин, не застав друга, возвращался в Москву. И опять эти два поезда встретились посреди пути.

— Когда вышел роман «Хождение по мукам», — рассказывает Ирина Александровна, — мы, конечно же, возмущались той неправдой, что была в нем о дедушке. Ирина Федоровна поехала к Алексею Толстому, чтобы высказать свое недовольство. И писатель признался: легенду о бриллиантах он слышал от своей жены, а уж о воровстве их Дальским, видимо, придумал сам.

Я слушаю Ирину Александровну и думаю, что в те годы, когда не существовало полутонов, а все изображалось только в «черно-белом» варианте, А. Толстой без риска для себя мог позволить такой нелепый, но эффектный вставной номер в своей трилогии. Ведь Мамонт Дальский преклонялся перед Кропоткиным, вокруг него был круг анархистов.

— Вот посмотрите, правда, похожи — глазами, их выражением? — говорит Ирина Александровна, разворачивая большие фотопортреты Дальского и ...Абрама Петровича Ганнибала, «арапа Петра Великого».

Я действительно нахожу их глаза — черные, круглые, очень выразительные —

схожими. Дальский — псевдоним актера, настоящая его фамилия Неелов. Именно за Семена Неелова, кронштадтского строителя, бывшего на военной службе, выдал Ганнибал замуж свою вторую дочь Анну, откуда и пошел этот род, давший нам гениального актера.

У Ирины Александровны хранится текст завещания генерал-аншефа Абрама Ганнибала, любимца русского императора, составленный им 13 июля 1776 года. Он попал к внучке Дальского от писателя Иванцового, который в свое время получил его от Клименко, правнучки Пушкина, в 1973 году. Клименко утверждает в сопроводительной записке, что до 73-го года завещание не было опубликовано, а Ирина Александровна считает, что оно неизвестно и сейчас. Может быть, это и не точные сведения, пушкинистам-профессионалам виднее. Как бы то ни было, но в завещании грозного арапа есть такие строчки: «...а вдовствующей моей (...) Елизавете Пушкиной и замужней дочери к моей Анне Нееловой до движимого и недвижимого моего имущества совсем дела нет, понеже они от меня выданы в замужество с довольным награждением». Так что насчет «дикого темперамента Дальского» Толстой попал, как говорится, в точку. Темпераменту было откуда взяться. Но как жаль, что ложь о воровстве бриллиантов теперь надолго останется рядом с именем великого актера.

Ф. И. ШАЛЯПИН и М. В. ДАЛЬСКИЙ (1898 г.).

...В этой комнате можно легко запутаться в лицах — на картинах, фотографиях, портретах. Вот снимок царственно великодушного Дальского, подаренный им отцу Ирины Александровны актеру А. Г. Барановскому с размашистым автографом. А это портрет Федора Ивановича с посвящением Ирине Александровне от дочерей Шаляпиных — Татьяны, Ирины, Лидии. Дальский и Шаляпин дружили с юности.

Знаменитый актер Александринского театра, он учил Федора Ивановича драматическому искусству, предрекал ему блестящее будущее. И позже, когда уже взойшла звезда славы певца, оставался верен дружбе с ним. Когда у дочери Мамонта, красавицы Веры Нееловой, очень похожей на отца, родилась дочь, Дальский попросил Шаляпина быть ее крестным. Девочке дали любимое женское имя крестного отца — Ирина.

В ее судьбе было много интересного, но и горького тоже. В 1945 году арестовали мать, актрису, получившую образование в Сорбонне, завоевавшую однажды в Париже на конкурсе красоты звание, как бы мы теперь сказали, «мисс Европы», бывшую далекой от всякой политики в отличие от отца. Ее выслали в сибирское село Дзержинское на вольное поселение, и через год она погибла там. А раньше, в 38-м, была арестована Ирина Александровна — вслед за мужем, инженером-механиком, служившим в Кондопоге. Но ее вскоре отпустили из переполненной тюрьмы, взяв подписку о невыезде. Однако друзья настойчиво советовали уехать. Поезд останавливался здесь только на минуту. Она успела вскочить на подножку. Ленинград, потом Москва. Ирина Александровна полна сил бороться за мужа. Только что сняли Ежова, и человек в пенсне на какое-то время показался людям «интеллигентным». Она решает... поговорить с Берией. Он встретил ее долгим «раздевающимся» взглядом, а выслушав, сказал: «Девочка, зачем ты лезешь в большую политику! Мы знаем, кого сажать». Знал бы он, что эта «девочка» бежала месяц назад от кондопожского НКВД!

...Вам нравится Елисеевский магазин? Его проектировал дед Ирины Александровны по отцу, хорошо известный русский

архитектор Габриэль Барановский, автор семитомной «Архитектурной энциклопедии второй половины XIX века», ставшей незаменимым подспорьем для будущих поколений художников, зодчих, реставраторов. Не один особняк на бывшей Тверской для братьев Елисеевых возвел он. В Ленинграде тоже сохранилось несколько таких интересных своим решением зданий и еще — буддийский храм, дом Русского географического общества. У Барановского были два собственных особняка — в Москве и Петербурге, но внучке они неизвестны. Воспитывалась она в Одессе, у сестры деда и, приехав в Москву четырнадцать лет учиться в авиационно-строительном техникуме, почти ничего не знала о своих знаменитых родственниках. Дома, принадлежавшие Барановскому, национализировали еще в 17-м, а потому внучке его уготована была коммуналка — одна, другая, третья. Так она оказалась в этом большом доме на Тургеневской площади, принадлежавшем когда-то одному русскому акционерному обществу. Каждую из огромных квартир разделили на две коммуналки, а вход в ту, где живет сейчас она, вывели на черную лестницу. Грязная, обшарпанная, с крутыми ступенями лестница ведет в комнату, где за многие годы сошлись вместе уникальные фотографии, картины, книги — частички истории русской культуры.

Многие еще московские старожилы мыкаются по коммуналкам всю жизнь, не лелея надежд на отдельную квартиру. Мало перспектив в этом плане и у Ирины Александровны. А мне жаль. Именно здесь, у нее, уже долгое время собираются поклонники таланта Ф. И. Шаляпина. Она ведь дружила и жила с Ириной Федоровной, навсегда провожала в Италию первую жену Шаляпина Иолю Игнатьевну. И теперь вот осталась единственным человеком, кто знал близко их дочь, кто хранит в памяти многие ее рассказы об отце. Она и последняя в роду Нееловых, идущем от Абрама Петровича Ганнибала. Случайно выжившая в смерче репрессий, эта старая женщина словно дана нам в память о русской культуре. Ее интеллигентность — в крови, из того родства с великими людьми, что определены были самой судьбой. И ее как бы «заброшенность» тоже, увы, предопределена — нашей короткой памятью о себе, своей истории, культуре. А Ирина Александровна прошла войну, она была военнообязанной как работник ЦАГИ, где трудилась под началом А. Туполева. Его арест был на ее глазах, и увольнение из КБ связано с тем событием. Но документы участника Великой Отечественной войны, к сожалению, потеряла. Восстанавливать не было сил — годы! Потому лишена даже тех малых льгот, что ей положены. Впрочем, у нее живой, легкий характер, и очередь в магазинах хоть и утомляет, но не становится трагедией. Мало ли она их перенесла? Как все. Хотя о себе Ирина Александровна того мнения, что она — «везучая». Совершенно фантастически выглядит ее рассказ о том, как, приехав в Ленинград в 39-м, пришла она к Исаакию и плакала, сидя на скамейке. На нее обратила внимание хорошо одетая женщина, которая, выслушав ее откровенный рассказ, привела Ирину Александровну в гостиницу, где жила с мужем. Ей сняли дорогой номер. Потом, отдохнувшая, она уехала в Москву.

Ирина Александровна не помнит фамилии тех людей, которые были как бесценный подарок судьбы, как наваждение. Но все же были... А как отчаянно она боролась за мужа! Прийти на прием к Берии, на это далеко не всякий решался, да и «принимал» он, надо полагать, только в первые дни своего утверждения, еще играя в «хорошую» власть. Но все-таки ей удалось с помощью близкого к «верхам» адвоката вытащить мужа из тюрьмы, 58-ю, политическую (вредительство), ему заменили на «халатность без умысла». Судили гражданским судом, освободили, принудив выплачивать огромную сумму за несуществующий «ущерб», якобы нанесенный им, инженером, на Кондопожском бумажном комбинате. Муж, Левон Георгиевич Качановский, тоже прошел войну, но она их и разлучила...

Так и живет Ирина Александровна Барановская — одна на старости лет, с радостью встречая своих молодых друзей, поклонников таланта Федора Ивановича Шаляпина. И его голос в минуты их встречается с пластинкой мощно, нежно, страстно, напоминающая ей о жизни, что была и прошла, о людях, родных ей по духу и крови. Хочется сказать спасибо ее друзьям — шаляпинцам за поддержку, за внимание к старому человеку, за любовь к русской культуре, которая так вот только, наверное, и может наследоваться в негромкой, но верной привязанности, в понимании своего человеческого долга по отношению к другому, очень нуждающемуся в поддержке.